272
Гра

Ю. С. Грачёв

ТЕРУСЫ

272

Ю.С. ГРАЧЕВ

ГЕРУСЫ — ГИРЮСЫ
(ГОРИС)

Издательство Евангельское Слово

1996 г.

4241/1

БИБЛИОТЕКА Христианского общества «Библия для всех»

ПОГАШЕНО

Набор
А. Сладкова

Редактор
А. Зейналова

Вёрстка
В. Матвеюк

© Текст: Evangelical Word Publishing

Evangelical Word Publishing
P. O. Box 873
Wheaton, IL 60189
U S A

1996

Ю.С. ГРАЧЕВ

ГЕРУСЫ — ГИРЮСЫ
(ГОРИС)

Долина смертной тени —
место изгнания первых тружеников Евангелия
в царской России.

«...а вот в горах, где дни унылы,
Вблизи аула, у бугров
Чернеют грустные могилы
За правду сосланных борцов.»

И.С. Проханов

«Те, которых весь мир не был
достоин, скитались по пустыням
и горам, по пещерам и ущельям земли.»

Евр. 11:38

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории движения евангельских христиан-баптистов в России, Герусы — далекое место в Закавказье, расположенное среди горных хребтов — представляет особый интерес.

Это место величайших страданий за веру первых проповедников Евангелия, куда царское самодержавие ссылало их на верную гибель от болезней и голода.

Это место тяжелейших испытаний, где герои веры до конца остались верны Иисусу Христу, и где Бог показал Свою силу в самых безнадежных обстоятельствах. Он слышал молитвы изгнанных за правду, помогал им и избавлял их от голодной смерти.

В этой книге, помимо описания путешествия в Герусы, представлены достоверные исторические материалы о жизни наших братьев и их семей, сосланных в эту «долину смертной тени», а также множество фотографий, которые мы специально не реставрировали, а пожелали оставить такими, какими они были много лет тому назад, какими они дошли до нас...

ГОРИС (Герусы) на карте СССР

Через многие горные перевалы
шел этап гонимых в далекие Герусы.

ЦЕЛЬ УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИИ: НАЙТИ ГЕРУСЫ.

1972 год

Они решили искать Герусы

В путь готовы

Изучая историю нашего братства, первые благословения от проповеди Евангелия среди простого русского, украинского народов, мы встречаем материалы, в которых говорится о тех преследованиях, гонениях в царской России, которым подвергались первые свидетели Евангелия.

Наиболее сильные репрессии начались при обер-прокуроре Святейшего Синода — Победоносцеве. Верующих евангельских христиан (штундистов-баптистов) арестовывали, высылали из родных мест с целью их изоляции и физического истребления.

Знакомясь с работами знаменитого историка сектантства — Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича (марксист, друг В.И. Ленина), в его сборнике «Среди сектантов» мы находим описание тех страданий и лишений, которым подвергались баптисты, следуя в тюрьмы, а затем в отдаленные и глухие места.

Он писал: «Страшная нужда подрывала надломленное в тюрьмах и этапах здоровье, и многие, сослапные в ссылку, вскоре заболевали там тяжелой лихорадкой, тифом и другими болезнями.

Без медицинской помощи, оставленные на пронзвол судьбы, гибли ссыльные баптисты, сосланиые в такие трущобы, как Герусы, Джебраил, Тертер и другие подобные места».

В.Д. Бонч-Бруевич опубликовал материалы о страшном положении администратнвно сосланных баптистов в Герусах, и они стали достоянием мировой общественности.

И.С. Проханов в своём нелегальном журнале «Беседа», издаваемом в 80-90-х годах XIX века, сообщая об ужасных гонениях самодержавия на сектантов, также указывал на страшное место страданий верующих — Герусы.

Изучая биографию известного труженика Евангелия — доктора Бедекера, мы узнаем, что он проделал тяжелый путь через хребты Закавказья, чтобы посетить изгнанников в Герусах, ободрил и помог им.

Знакомясь с биографиями М.К. Кальвейта, Ф.П. Костромина, Е.Н. Иванова, И.Д. Лясоцкого, Л.Ф. Оржаховского, С.А. Проханова, С.К. Нездолия и других, мы узнаём о тех страданиях, переживаниях, лишениях, какие имели братья в этой «природной тюрьме», как называл Герусы Иван Степанович Проханов. Он лично посетил эти места в январе 1899 года с целью свидания со своим ссыльным отцом.

Приближалось столетие братства. И, исследуя материалы о возникновении нашего братства в Тбилиси, мы нашли рукопись о жизни брата С.Е. Капустинского, в которой повествовалось о тех муках, которые испытали он и его семья в Герусах.

Понимая, что Герусы являются местом, представляющим исключительную историческую ценность при изучении жизни героев веры в период царской тирании, мы занялись его розысками.

На современных картах Кавказа Герусов не было. Запросы тбилисских братьев в почтовые учреждения о данном месте на Кавказе не дали никаких результатов. Видимо, место было очень отдалённое и глухое, и кавказские братья не решались отправиться на его поиски.

Изучая старинные карты Российской империи, на одной из них, изданной до 1894 года, мы нашли точку в Закавказье, обозначенную Гирюсы, и расположенную как раз в соответствии с теми описаниями, которые имелись в материалах о ссыльных братьях.

Этапы гонимых шли в кандалах через Елизаветполь (ныне Кировабад), на станции Евлах, Агдам, далее дорога вела на Шушу (бывшая персидская столица), и только потом, по описаниям, нужно было проделать стовёрстный путь в горы, чтобы достичь Герусов.

Сердца наши были расположены к тому, чтобы создать экспедицию и посетить эту долину слёз и смерти.

Выехав на Кавказ в октябре 1972 года, мы посетили там ряд мест, расспрашивая верующих братьев и сестёр о Герусах. Престарелые верующие вспоминали многих сосланных братьев и их родных, тем самым дав нам новые, дополнительные сведения о страдальцах Герусов. Но всё же никто не мог точно сказать, где находятся Герусы. И только в Баку брат-старец, председатель общины, хорошо знавший Закавказье, сообщил нам, что Герусы находятся где-то за Шушой, ещё сказал, что в Шуше и Агдаме раньше были братья-баптисты, но теперь их там нет.

Сравнивая фотокопию старой карты Российской империи, на которой были отмечены Шуша, Гирюсы, с современными картами, мы пришли к выводу, что, вероятно, Герусы (или Гирюсы) теперь имеют другое название — Горис, так как расположенне этих мест совпадает.

Мы сошли с поезда на станции Евлах, где когда-то наши братья, в кандалах, высаживались из вагонов, чтобы пешком идти в далекий путь — на место ссылки.

Дорога в Герусы от станции Евлах.

Конечно же, мы расспрашивали местных жителей о Герусах.

— Да, слышали, — говорили некоторые, — это за Шушой. Но зачем вы спрашиваете?

— Мы хотим поехать туда, — отвечали мы.

— О, зачем вы хотите туда ехать? Герусы — это дикое место, его называют мёртвым. Если вы хотите отдохнуть — оставайтесь в Шуше: чистый воздух, прекрасные места.

— Нет, мы хотим попасть в Герусы, там похоронены наши братья, верующие во Христа, — объясняли мы.

Один азербайджанец с недоумением посмотрел на нас и сказал: «Если денег много, поезжайте. Только не знаю, какой дорогой вы туда попадёте».

Путь от станции Евлах до Агдама мы совершили на автобусе. Кругом тянулись равнины, покрытые хлопковыми полями, виноградниками; поселки утопали в садах.

Вот по этой дороге, по которой мы так быстро мчались, когда-то шли в кандалах братья, а за ними, на телегах, ехали их жёны с малыми детьми.

Агдам — оживлённый культурный городок. Мы пересели на маленький переполненный автобус, отправлявшийся в Шушу. Усевшись рядом с водителем, расспрашивали его о Шуше, Герусах. Он подробно рассказал нам о Шуше и совсем немного о Герусах, в которых сам никогда не был, но слышал, что это далёкое место расположено в Армении, и куда иногда заезжают туристы.

Он упомянул об отдалённых молоканских селах — Борисовке и Базарчае, и мы вспомнили о том, что, по историческим данным, первая материальная помощь ссыльным, обречённым на голодную смерть, была оказана именно молоканами из села Базарчай.

Ближе к Шуше местность стала гористой. Неровная дорога вилась среди гор. Представлялось, как тяжело было нашим братьям под конвоем идти по этим горным дорогам, но они шли и шли....

Но вот, наконец, мы доехали до древнего города — Шуша! Древние полуразрушенные стены, которые теперь восстанавливаются как исторический памятник, как бы преграждают нам дорогу. Мы проезжаем через узкий проход в стене, и перед нами раскрывается картина старинного города. Прежде всего в глаза бросается расположенное над

обрывом здание, окруженное высокнми каменными стенами.

— Это — тюрьма, — поясняет водитель.

И сразу же вспоминается описание пути наших ссыльных братьев. Ведь их загнали именно в эту, шушинскую тюрьму. Там, за этими стенами, томились они, н только Бог, Тот, на Которого они уповали, в Которого они верили, давал им силы переносить всё, не роптать, а с надеждою идти вперед.

Пообедав, мы стали расспрашивать о дороге в Герусы или, как их теперь называл, Горис.

Нам посоветовали поехать на расположенную за городом турбазу. Там нас приветливо приняли, и сказали, что из Гориса вскоре должен придти автобус с туристами, и водитель может взять нас с собой в обратный путь.

Так и получилось — водитель согласился доставить нас в Горис. Если дорога от Агдама до Шуши была благоустроена (как рассказывали, в своё время царь выделил для этой цели немалые средства), то дорога от Шуши до Гориса, по которой раньше могли проехать только небольшая телега да верховые, всё ещё была неблагоустроенной, грунтовой.

Ехали буквально над пропастями. Сверху вид открывался, как с самолёта, домики выглядели как игрушечные, местами пролегали нити дорог, тонкими лентами вились горные речки.

Закавказские хребты уходили куда-то вдаль, сливаясь с небом. Погода стояла чудесная; хотя был октябрь, но дыхание осени ещё не чувствовалось. Было тепло, и листва кругом была ещё зелёная. Едем, трясёмся в автобусе, а горам, утёсам, обрывам, кажется, нет конца и края.

Дорога... Дорога... Вот по этому пути гнали конвойные наших братьев, и, принуждая обессиленных идти дальше, били их. И летом, и зимою, в жару и когда завывала вьюга, гнали конвойные изгнанников. По этой дороге ехал доктор Бедекер в сопровождении брата-переводчика, армянина Патвакана Тараянца. По этой дороге ехали приехавшие из далёких стран верующие квакеры, чтобы посетить преследуемых за веру в Иисуса Христа, выяснить причину гонений и оказать страдающим помощь. По этой дороге следовал верхом на лошади брат И.С.Проханов, чтобы повидать страдальцев и ободрить их.

Поездка в этом автобусе утомила нас, казалось, что дороге не будет конца (от Шуши до Гориса — 98 километров).

Едем, а в душе звучит гимн:

«Пустыней греховной, земной,
Где неправды гнетущий обман,
Я к отчизне иду неземной
По кровавым стопам христиан».

Вот эти скалы и горы когда-то видели тех, которые ради Иисуса Христа и Евангелия были поруганы, причислены к злодеям и изгнаны, лишены близких, родины и всех прав. Как они шли здесь? Мы не идём, а едем, и то нелегко... Автобус проехал над самой бездной, накренился, и некоторые из нас невольно испуганно шарахнулись в сторону.

Мы миновали какие-то вершины и ехали плоскогорьем. Горы остались позади. Казалось, что уже начинается равнина, но вот впереди опять цепи гор. Дорога извивается между ними: то поднимается, то опускается. Там, внизу, зелёные леса, речки, а мы едем и едем... Не даёт покоя вопрос: почему царское самодержавие так жестоко

расправлялось с проповедниками Евангелия, ночему так далеко-далеко запрятали их от мира? За что?

Солнце стало спускаться, день подходил к концу. И вдруг, совершенно неожиданно, там, внизу, перед нами открылась долина, окружепная горами. Солнце ещё золотило вершины гор, там, где мы находились, было ещё светло, а эта долина впизу уже была погружена в вечерний мрак. Да, это и есть то место, которое описал И.С. Проханов в своей биографии: «природная тюрьма», «волчья яма», — место, выбранпое царской властью для уничтожения последователей Иисуса Христа.

Сердце тревожно билось... Перед нами внизу расстилалась долина скорби и слёз. Место, ставшее могилой для многих героев веры.

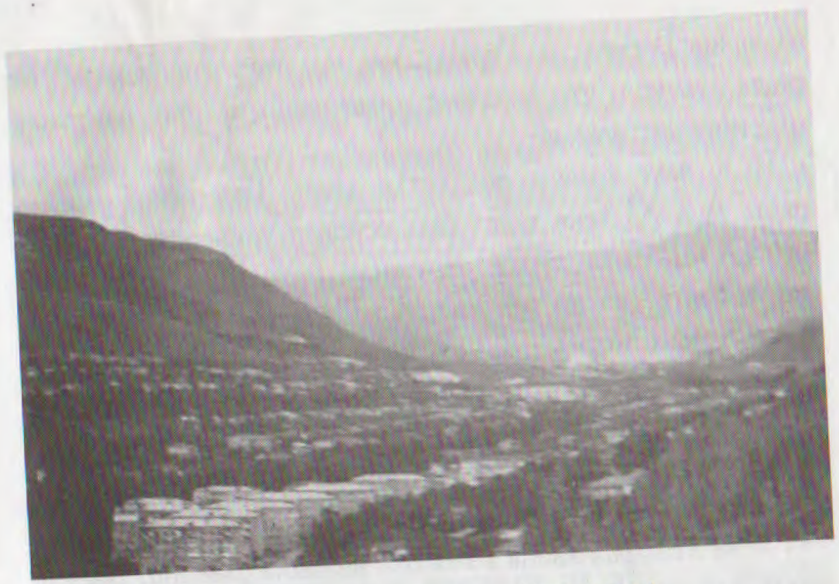
Мы спустились впиз и увидели, что теперь это довольно благоустроенный городок. Улицы утопали в зелени. Город пересекал быстро текущая горная речка.

Встал вопрос: где ночевать? Решили попросить водителя автобуса довезти нас до турбазы.

Турбаза была расположена на обрывистом берегу реки, с которого открывался замечательный вид на скалистые горы,напоминавшие своими остроконечными вершинами устремленные в небо ракеты.

Встретили пас хорошо, сразу же предоставили места для ночлега. А на следующий день мы попросили экскурсовода подробно рассказать нам историю Герусов — Гориса, на что он охотно согласился.

— Это место очень древпее, — начал он свой рассказ, — когда-то здесь была армянская деревня, а вблизи неё располагался знаменитый Татеевский монастырь. Места эти время от времени опустошались турками. Древнее

Современный ГОРИС — ГЕРУСЫ.

Мостик через речку,
протекающею в ГОРИСЕ — ГЕРУСАХ.

БИБЛИОТЕКА
Христианского общества
«Библия для всех»
4241/1

название Гориса — Герусы, как полагают, происходит от слова «гъяур», что означает «неверный» — так называли христиан магометане.

В X веке армяне воздвигли здесь Татеевский монастырь. А в XI веке здесь был основан университет. В начале XVIII века турки окружили монастырь, однако не могли взять его до тех пор, пока предатель-князь не открыл туркам подземный ход, через который они ворвались и перерезали всех священников. В монастыре был большой колокол, в который звонили в дни праздников и при тревоге. Звон был слышен в окружности до 60 километров, и, услышав тревожный набат, люди сбегались к монастырю.

Но на этот раз звона колокола не было слышно, так как князь зажег под ним дрова, он проконтел, осел и утратил способность звонить. В связи с этим, Герусы стали называться «Зангезур», т.е. «напрасный звон».

В истории, с V века, Герусы известны как пещерный город. Люди жили в скалах, в пещерах до 1131 года, когда после сильного землетрясения (8,5 баллов), они переселились из пещер в обычные дома, образовав рядом новый город.

В 1897 году население составляло 4 тысячи человек, в 1972 — 16 тысяч. В прошлом (это следует из материалов краеведческого музея одного из городов Кавказа) в Герусах ткали ковры, вязали изделия из шерсти. Теперь в Горисе есть деревообрабатывающий комбинат, ковровая фабрика, фабрика по производству пуговиц, завод микродвигателей и другие мелкие предприятня.

В прежнее время здесь жили без медицинской помощи, на всю окрестность был один врач. Теперь же в городе большая больница.

При царском режиме население было неграмотное, невежественное. В иастоящее время в городе имеются русские и армянские школы, техникумы, филиал армянского пединститута. Из жителей пещерного города вышел известный армяиский поэт Аксель Бакум, испытатель ракетиых самолетов Эдуард Юлям.

При советской власти Герусы из трущоб превратились в цветущий культурный армянский городок.

...Пообедать мы решили в ресторане. Мы сидели в прекрасиом современиом помещенин, а мысли всё время убегали в прошлое... Когда-то сюда, в эту отдалённую глухую долину, прибывали под конвоем наши братья. Измученные до крайности, они вступали на эту каменистую землю, размещаясь, кто где мог: в хлевах, пещерах, саклях.

Местное население — армяне и татары, не понимавшие русского языка, со страхом смотрели иа тех, кого солдаты привели под конвоем, как преступников. Обретя необходимый кров, страдальцы обратили свой взор и мольбы к небу: чем питаться?

За деньги местные жители могли продавать им свой хлеб — лаваш (лепешки, испеченные в камеиной печи), но ведь денег у бедных страдальцев почти не было.

И голодная смерть властно смотрела в глаза. Этого-то и желали палачн, сославшие их сюда: уморить голодом и болезнями.

Идя по улице, мы увидели магазин, в котором продавался местный хлеб — лаваш. Мы купили его, и ои напомнил нам о том, что Бог не оставлял изгнанников и помогал им и их детям даже тогда, когда, казалось, голодная смерть была неминуемой.

Мы вернулись на турбазу. Во дворе никого не было. Из большого зала доносились звуки музыки: это веселились приехавшие туристы. Мы уселись на скамейках. Ещё видны были вершины гор, но вскоре и они исчезли в ночной мгле. На небе зажглись яркие звёзды. Говорить между собой не хотелось, мы молча отдыхали, а мысли всё убегали в прошлое. ...Представлялось, как прибывали этапы арестованных, а за ними, на телегах, ехали их жены с детьми. Глубокая вера в Евангелие, в любовь Иисуса Христа, делала семьи неразлучными. Герои веры, проповедники Евангелия, твердо шли на страдание, на смерть, не уклоняясь от выбранного пути. И такими же героями были их жены, которые добровольно покидали родные края и ехали в неизвестность, чтобы разделить участь мужей и вместе с ними прославить Господа жизнью своей и смертью!

И вот эти же самые звёзды светили над ними в ту мрачную, тёмную пору страшных гонений. Сколько глаз, полных слёз, поднимались к небу и обращались к Тому, Кто Единственный мог помочь им. Несомненно, в те дни они, заброшенные в горах, вспоминали и повторяли Псалом 120:

«Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю».

Тяжелые дни, мрачные ночи... Шли годы. Одни умерли. Другим, выдержавшим срок наказания, без всякой причины, видимо, только потому, что они «не исправлялись» и продолжали верить в Евангелие, добавляли новый срок наказания. И снова и снова они взывали к небесам:

«К Тебе возвожу очи мои, Живущий на небесах... Помилуй нас Господи, помилуй нас, ибо довольно мы

насыщены презрением, довольно насыщена душа наша поношением от надменных и уничижением от гордых». (Пс. 122)

Теперь уже нет в живых страдальцев Герусов. Они отошли к Господу, на Которого уповали. Не все они были здесь похоронены. После революции 1905 года все, дожившие до этого времени, были освобождены, и Герусы перестали быть местом мук и слез.

Бог услышал молитвы страдальцев, открыл дверь благовестия. Многие, вышедшие из этой печи испытания, стали известными проповедниками.

...Мы долго смотрели в небо, — там, в безграничных далях, теперь обитель тех, кто нёс свой крест здесь. Для тех, кто был верен Иисусу Христа до конца. Их вера сияет, как звезда, и будет сиять вечно.

«И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звезды, вовеки, навсегда». (Дан. 12:3)

Побеседовав между собой, мы совершили благодарственную молитву Тому, Кто побудил нас приехать сюда, помог нам найти Герусы. Попросив у Господа благословения на ночь, мы отправились на отдых. Надо сказать, что с нами путешествовала сестра, которая готовилась стать матерью, но это обстоятельство не удержало её дома, и она решила вместе с мужем отправиться в этот трудный путь. Мы ие могли не переживать за неё, когда ехали в Герусы весьма ухабистыми дорогами. Глядя на неё, невольно вспомнили тех молодых матерей и беременных женщин, которые тряслись па телегах вслед за мужьями-арестантами. Сестра бодро переносила все трудности, и радостно было сознавать, что вера, которая руководила её предшественницами, жила и в ней.

Утром мы встали очень рано. Турбаза еще спала. Направились к обрыву для молитвы. Долина утопала во мраке, но зубцы гор уже начали вырисовываться на светлеющем фоне неба. Свет солнца побеждал тьму. Облака окрасились утренней зарей. Утро было тёплое.

Не дожидаясь полного рассвета, мы устремились в горы. Туда, где виднелось христианское кладбище, о котором накануне говорил нам экскурсовод. Прошли пустынными улицами, перешли по мосту через речку, и вступили в место древних Герусов — пещерного города.

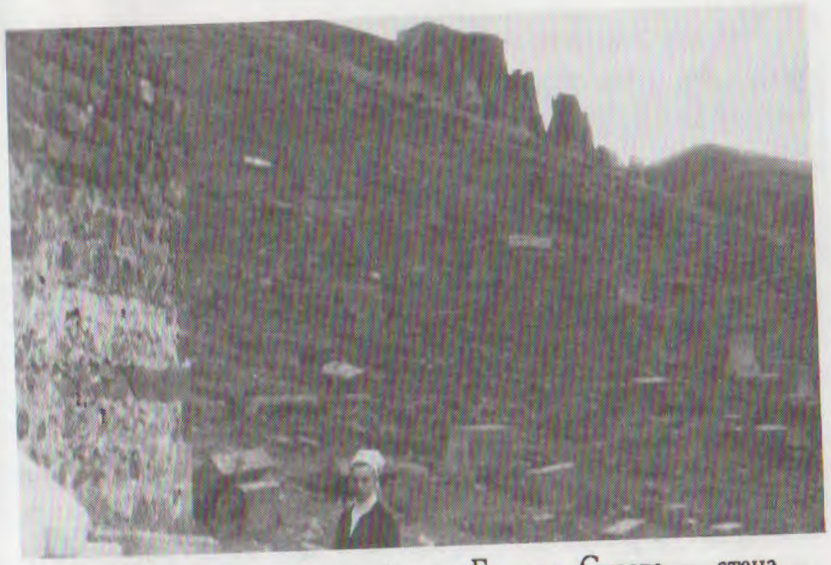
Кругом, на склонах гор, зияют отверстия пещер. В некоторых пещерах люди и теперь держат скот.

Поднимаемся выше; и вот перед нами, на высоком склоне горы, открывается древнее кладбище.

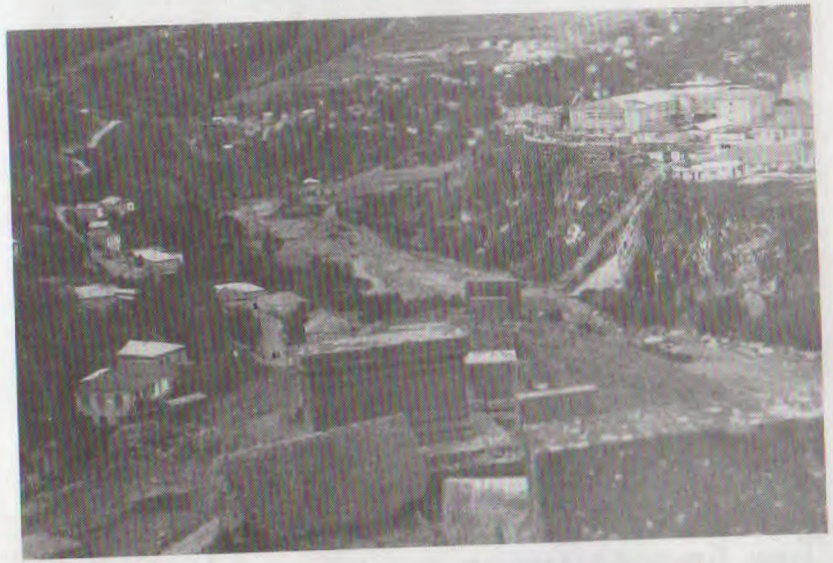
В центре его — полуразрушенная часовня, сложенная из продолговатых камней. Около неё — каменные памятники с надписями на армянском. Видимо, армяне издревле хоронили здесь своих отцов и дедов. Дальше — холмики с небольшими могильными плитами. Нет никакого сомнения в том, что именно на этом христианском кладбище покоятся останки наших умерших братьев — страдальцев за веру. Так и есть. Здесь похоронена сестра Капустинская, которая, умирая, оставила детей, и в их числе — грудного Ваню.

Здесь похоронены двое маленьких детей брата Приходько Макара Прокофьевича.

Мы преклоняем колени и обращаемся к Богу, благодаря Его, что Он позволил нам быть здесь, где прощались со своими родными наши первые наставники. Где они провожали своих любимых, отправляя их в чудное небо из этой юдоли скорби. Не отчаяние, а глубокая надежда озаряла их сердца.

Старое христианское кладбище в Герусах. Справа — стена полуразрушенной древней часовни. Здесь находятся могилы страдальцев Герусов.

Вид на Герусы со старого христианского кладбища.

Мы просим Всевышнего укрепить нас, чтобы и в наше время мы были верны и также распространяли Евангелие, как когда-то бывшие здесь страдальцы, наши первые наставники.

С высоты горы перед нами расстилался Горис. О! Как хотелось бы,чтобы он, ещё спящий в неведении, проснулся, и истины Евангелия открылись ему, и это место, видевшее столько горя, стало бы местом спасения и счастья!

Мы спустились с горы и сфотографировали Горис, окружающие его горы. На турбазе уже все проснулись и готовились к завтраку и предстоящим экскурсиям в окрестности. Одни туристы на автобусе отправились осматривать развалины известного древнего Татеевского монастыря, расположенного в 30 километрах от Гориса.

Другие — готовились к восхождению на горы, осмотру скал и утёсов.

По рассказам, во время частых войн и набегов, когда на Армению нападали турки, жители Герусов оставляли свои сакли и уходили в горы, скрываясь там в пещерах и расщелинах скал. Нападающие не могли добраться до них, так как скрывающиеся в горах обрушивали на них лавины камней.

Глядя на подножье этих гор, мы вновь и вновь вспоминали наших братьев-изгнанников, которым категорически запрещали собираться вместе для молитв, и жестоко карали за каждое молитвенное собрание. И они, по свидетельству страдавшего в Герусах М.К. Кальвейта, (он крестил первого русского баптиста Н.И. Воронина), уходили в горы. Там, в расщелинах и пещерах, они в слезах возносили молитвы Тому, Кто мог поддержать их и дать силы. И были услышаны Господом, всегда посылавшим им помощь.

Развалины знаменитого Татеевского монастыря, расположенного вблизи Герусов.

Рассвет над Герусами.

Мы сидели и, беседуя, любовались чудной панорамой гор, остатками пещерного города и текущей внизу горной речкой.

— Да, эта пустыня страданий в прошлом, теперь может быть особым благословением для тех, кто посетит эти места, — сказал один из нас.

— Я бы хотел приехать сюда через несколько лет и не один, — поделился своими мыслями Саша. — Ведь можно побывать не только в монастыре, в горах, но уединиться и пребывать в молитве, изучении Слова. Ведь здесь Бог вёл через особые скорби Своих детей, как вёл Он израильтян по пустыне.

— Да, пустыни необходимы в жизни христианина, — заметил другой брат. — Пустыня была и в жизни Иисуса Христа. Апостол Павел ходил в Аравию... И Герусы представляют для нас, христиан, наиболее благословенное место для того, чтобы уединяться, быть ближе к Богу. Конечно, мы не сторонники монастырей. Мы должны быть в мире, жить среди людей, но всякий, кто найдет время и приедет сюда, чтобы вспомнить наставников наших, которые были в этой долине смертной тени, многое получит для своей духовной жизни.

Подъехал автобус, отправлявшийся в Шушу. Нам пора было уезжать. Горячо поблагодарив работников турбазы, мы простились с ними и подарили Евангелие на армянском языке, чему они очень обрадовались. Молим Бога, чтобы это семя истины, живое и действенное, принесло добрые плоды среди армян Гориса, которых мы искренне полюбили.

Автобус выехал из Гориса и стал подниматься в гору. Мелькают последние домики, мы поднимаемся выше. И

перед нашим мысленным взором встаёт, как живая, картина прощания Ивана Степановича Проханова с его изгнанным отцом и братьями, которых он посетил. Вот, Проханов-сын, верхом на лошади, оглядывается и видит, как Проханов-отец и все братья и сестры машут ему вслед. Из глаз Ивана Степановича текут слёзы. Сердце его разрывается при прощании со страдальцами, гонимыми за Слово Божие. В этих Герусах он видит миниатюрную картину всей России, где всем, жаждущим свободы и правды, достается тюрьма. Он молит Бога о свободе для родной России. Он трудится, чтобы просветить родной народ светом Евангелия. Его молитвы дошли до Бога. Герусы уже не место для изгнанников. Пали оковы самодержавия. Великая, свободная проповедь Евангелия охватила всю страну. О! Сколько было спасенных тогда...

В селах и городах возникали новые общины. Люди оставляли грех и начинали жить новой святой жизнью. И это был ответ на молитвы тех, кто, проходя в Герусах долину смертной тени, взывал к Богу.

Мы сожалели о том, что нам не довелось из Герусов поехать в Армению, в отдаленные молоканские села, где предки нынешних жителей оказывали помощь изгнанникам в Герусах.

Туристы, едущие с нами в автобусе, молодые и весёлые. Это артисты из Латвии.

— Давайте анекдоты, только погромче, — кричат они.

Раздаются пошлые анекдоты. Некоторые девушки курят, сквернословят.

Боже мой, Боже, какая тьма, какая ночь ещё во многих и многих сердцах. Сколько гибнет душ! Не пришла ли нам пора возопить к Богу и молиться о таких вот беззаботных весельчаках?!.

Пробуждение, великое освобождение от греха — вот что так нужно теперь.

И, как тогда пали оковы угнетения и была дарована свобода, так теперь души нуждаются в освобождении от пороков, зла, греха. Только искренняя, несмолкаемая молитва может разбудить от кошмарного сна и принести духовное пробуждение, восход нового дня — всем, не видящим перед собой разверзающейся бездны ада.

ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О СТРАДАЛЬЦАХ ЗА ВЕРУ, СОСЛАННЫХ В ГЕРУСЫ

в период царской тирании.

ЯКОВ МАКЕЕВ
(изгнанный за веру царским правительством в Герусы)

25 декабря 1911 года в Петербурге произошло радостное событие: евангельские христиане-баптисты праздновали открытие молитвенного дома — «Дома Евангелия». Один из участников этого большого праздника так писал в газете «Утренняя Звезда» (1912 г. № 1): «На этом торжественном празднике я невольно мысленно перенесся в местечко Герусы, к пионерам русских баптистов, которые прокладывали путь и, не щадя своей жизни, отстаивали свои убеждения.

Их небольшие собрания, па которых проливались слезы в молитвах за свободу вероисповедания в нашей России, казались мне в этот день священным делом, а они сами — зерном, которое, не умерев, пе принесет плода.

Хотя эти воспоминания из моего детства, но, тем не менее, пережитое в конце 1880-х годов сильно запечатлелось в моем сердце и, всматриваясь в присутствующих на празднике, мне казалось, что, если бы вернулось то время, большинство не устояло бы».

П.С. ЖИДКОВА
(1888 — 1960 г.г.)
Она в детстве была в ГЕРУСАХ.

Пелагея Сазонтовна — истинная христианка, дочь сосланного в Герусы брата С.Е. Капустинского. Ещё в раннем детстве, будучи в Герусах, она осталась без матери, вместе с ссыльным отцом пережила голод, холод, нищету. Бог сохранил её и сделал сияющим светильником. В пятнадцать лет она приняла крещение, в двадцать — получила от Бога спутника жизни — Якова Ивановича Жидкова, с которым разделяла радости и горести жизни 52 года. У нее было 13 детей. Пелагея Сазонтовна была очень чуткой, всегда старалась оказать людям поддержку, ободрение и помощь. Она была исключительной молитвенницей. Когда наступал её час молитвы, она оставляла всё и всех и уединялась для общения с Господом. Огонёк веры, разгоревшийся в её сердце еще в Герусах, она пронесла через всю свою жизнь. В 1960 году Господь отозвал её к Себе.

ИЗ СБОРНИКА «СРЕДИ СЕКТАНТОВ» В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА.

Если баптисты подвергались разнообразным, а подчас и жестоким преследованиям в жизни на воле, то, само собой разумеется, они испытывали ещё большие притеснения, когда попадали в ссылку. Ссылали баптистов преимущественно административным порядком, причём выбирали для них такие места, где не было русского населения. Чаще всего ссылали их в отдалённые места Закавказья, в знойные долины, где свирепствовала лихорадка, в глухие аулы, расположенные на самой границе Персии и Турции. Пребывание в этих местах, лишения и горести тяжко отражались на всём быте этих, преимущественно крестьянских семей, в редком случае находивших себе работу. Страшная нужда подрывала надломленное в тюрьмах и этапах здоровье, и многие вскоре заболевали тяжелой лихорадкой, тифом и другими болезнями. Без медицинской помощи, оставленные на произвол судьбы, гибли ссыльные баптисты, засланные в такие трущобы, как Гирюсы, Джебраил, Тертер и др.

«Среди гор Закавказья есть трущоба, называемая Гирюсы, — читаем в рукописи «Несколько слов о ссыльных братьях в Закавказье», взятую из материалов истории русского сектантства. Это ничто иное, как жалкая татаро-армянская деревня, весьма удачно выбранная русской администрацией для того, чтобы мучить христиан. Деревня эта находится в 100 верстах от Шуши. Дорога туда идёт по ужасным скалам и кручам. Когда приезжаешь в Гирюсы, то колесная почтовая дорога кончается и уже никуда не ведет».

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ —
защитник гонимых сектантов,
опубликовавший материалы о страдальцах в Герусах.

«Кругом возвышаются высокие бесплодные горы, а за ними идут пропасти и ущелья, и ездить там можно только верхом. Жители местечка очень бедны и живут впроголодь, так как почва каменистая, а потому и бесплодная, и сеят здесь очень мало. Посеянный же ими хлеб, когда сожнут, то, по причине гористой местности, не могут возить снопами на телегах или арбах, а возят вьюком на ослах. Пшеница вообще худого качества. Жители — армяне и, в особенности, татары — свирепы, грубы, невежественны, грязны.

Живут они по склонам гор, в выдолбленных ими пещерах в скалах. Так как почва не может вознаградить труд земледельцев, то летом население уходит на заработки. В самом же местечке, понятно, о заработках не может быть и речи.

В Гирюсах есть несколько начальствующих лиц, и у них наши братья служат за такую ничтожную плату, что едва могут прокормить только себя, на семью же не хватает, а пособие — 3 руб. 60 коп. в месяц начальство дает очень немногим. Из всего этого видно, что цель правительства — путём физических и нравственных мук поколебать стойкость веры братьев и, таким образом, побудить их возвратиться в православие. Многие несчастные не выдержали испытания и действительно лицемерно возвратились в лоно господствующей церкви. Но это нисколько не помогло им, потому что на родину их все-таки не пустили, а только перевели на жительство в другие города Закавказья.

Выдворенные в 1890 на пять лет в Герусы, ссыльные, за неимением средств, нашли себе квартиры в сырых армянских саклях. Однажды пристав спросил верующих

баптистов, собираются ли они на молитву. Они ответили утвердительно. Тогда он поинтересовался, где они будут молиться в очередной раз. Последовал ответ: в квартире Капустинского. Пристав не замедлил донести об этом, и Капустинского перевели из Герусов на почтовую станцию Тертер, где условия были еще хуже.

Некоторые из ссыльных пробовали в Герусах заняться полезным трудом, чтобы как-то прокормить себя. Но бесплодность почвы, а также многие другие факторы просто парализовывали труд ссыльных».

Автор приведенной рукописи также сообщает о многих фактах грабежа и полного уничтожения огородов и бахчей, которые всё же пытались заводить ссыльные баптисты. Все эти разграбления почти всегда совершались под непосредственным руководством агентов полиции. «По причине дикости окружающих, безделья, — сообщает тот же автор, — начиналось духовное оскудение подрастающего поколения. Отцам и матерям случалось быть свидетелями духовного падения своих детей, совращающихся с пути, указанному Иисусом Христом.

Такова была картина жизни баптистов в ссылке.

Взять измором — таков был девиз борьбы Победоносцева с сектантами, будь то баптисты, духоборы, или еще кто-либо, не принадлежащий к лону официальной церкви. И он достиг бы своей цели, как достигали её инквизиторы средних веков в своей борьбе с сектантами, если бы это был не конец XIX века. Прежде всего, об ужасном положении ссыльных баптистов заговорила европейская печать.

Обер-прокурор Святейшего Синода — Победоносцев — главный инициатор гонений на евангельских христиан-баптистов в царской России, виновник страданий мучеников в Герусах.

Различные протестантские общины постарались войти в непосредственный контакт с ссыльными сектантами.

В Закавказье были командированы особые лица, которым поручалось лично убедиться во всём том, что сообщалось в частных корреспонденциях и публиковалось в заграничном печатном органе русских баптистов — в ежемесячном журнале «Беседа», который издавался на русском языке сначала в Стокгольме, а потом в Лондоне. Ранее «Беседа» нелегально издавалась в России.

Сообщения не только подтвердились, но получили ещё более грозную огласку. Иностранцы отозвались на услышанное гораздо более чутко, чем это ожидалось. Стали собирать деньги для умиравших от голода верующих и разными путями, тайно, точно совершая преступление, отправляли их в разные места ссылки. Конечно, власти на местах принимали всяческие меры, чтобы эта помощь не доходила до адресатов. Но помощь все-таки приходила. Совершенно прекратить доступ этих денег ссыльным было трудно, т.к. интеллигентная среда русского общества питала глубокое сочувствие к ссыльным сектантам, и помощь достигала своей цели, часто весьма своевременно. Эти неожиданные деньги спасали многих от неминуемой гибели.

Остатки пещерного города.
«...Живут они по склонам гор,
в выдолбленных ими в скалах пещерах».

Здесь был пещерный город.
«...За неимением средств,
квартиры ссыльные находили себе в сырых армянских саклях».

Метехская тюрьма в Тифлисе,
в которую собирали гонимых за веру,
чтобы потом этапами отправлять их в Герусы.

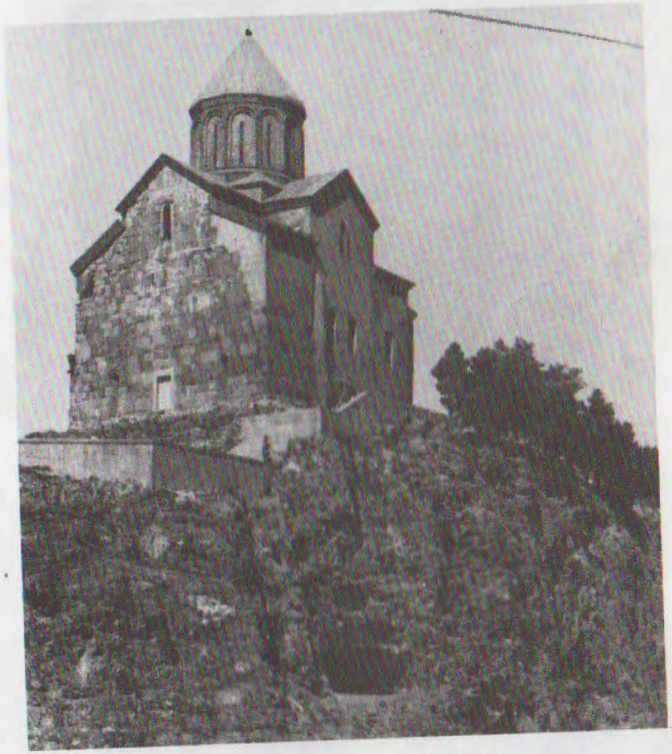
ИЗ БИОГРАФИИ ДОКТОРА Ф. БЕДЕКЕРА

В Гирюсах, очень отдаленной и горной местности, мы нашли многих братьев, сосланных за веру. Путешествие туда, особенно ночью, очень опасно. Часто узкая дорога тянется над пропастью, и там полно разбойников, которые нападают на путешественников.

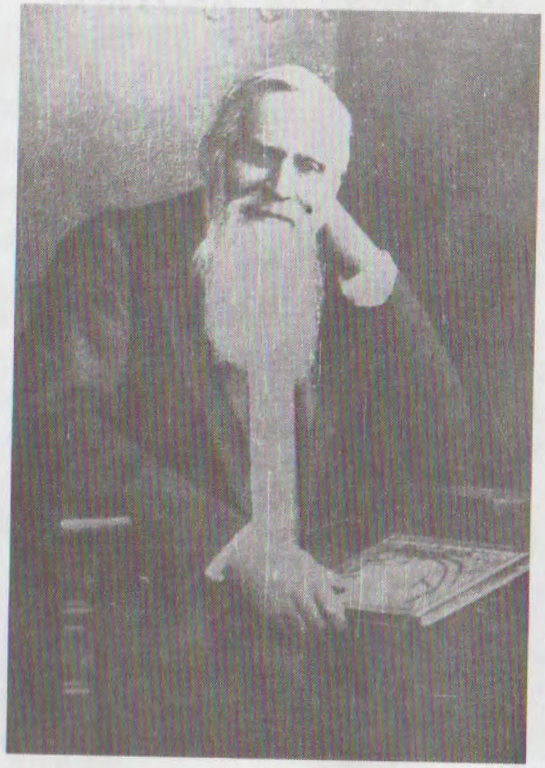
Трудно представить себе настроение этих несчастных сосланных, к которым так опасно и трудно добираться через эти дикие горные дороги. Но зато какую неописуемую радость испытывали мы от этого свидания. Это был поистине праздник сердец: короткий, но сладостный. Братья здесь собираются в домах, поют и молятся...

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ГЕРОЯ ВЕРЫ МАРТИНА КАРЛОВИЧА КАЛЬВЕЙТА

Господу угодно было провести меня через страдания за Евангелие. В 1891 году я был на пять лет сослан административным порядком в Герусы, маленькое и крайне глухое местечко Зангезурского уезда. Сюда были сосланы и другие верующие, около 50 человек. Господь побуждал сердца детей Божьих присылать нам на пропитание деньги, так как заработать их было невозможно. Деньги шли через мои руки. За это я был сослан под жандармский надзор в г. Эривань.

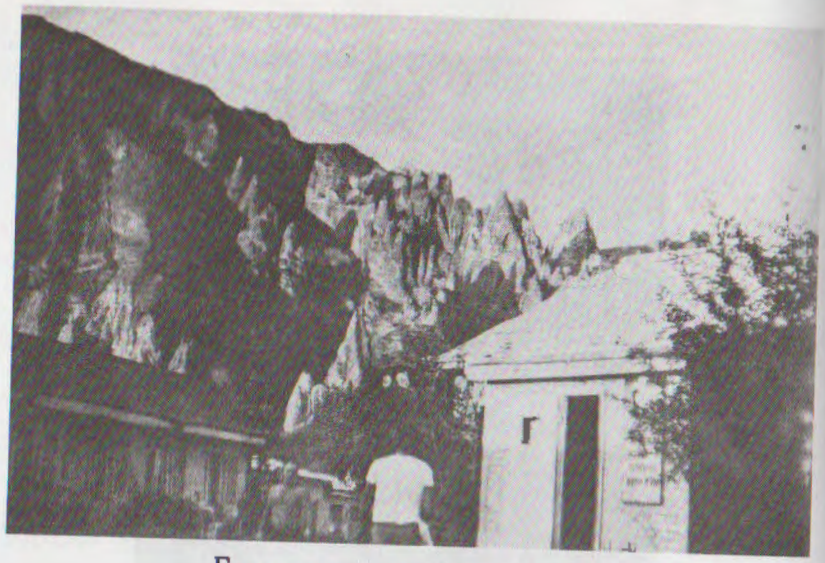
В 1933 году Метехская тюрьма была разрушена, сохранился только древний храм.

Доктор Ф.В. Бедекер —
известный проповедник Евангелия в России,
друг гонимых за веру. Проник в Герусы и ободрил,
поддержал страдальцев.

Мартин Карлович Кальвейт — страдалец Герусов.
(он крестил первого русского баптиста
Н.И. Воронина)

Герусы окружают горы и скалы.

«...Нам приходилось искать убежище
для чтения Слова Божия и молитв в скалах и пещерах».
(М.Кальвейт)

Когда первоначально назначенные пять лет истекли, мне прибавили ещё три года. Особенно трудно было в Герусах, где нам не позволяли собираться, и нам приходилось искать убежища для чтения Слова Божия и молитвы в скалах и пещерах. Мы плакали... Но Бог давал нам силы и посылал утешение. Сатана сильно смущал меня мыслью, что теперь я, точно мертвец, всеми забыт и покинут. Никто из братьев не писал мне. Но вдруг я получил письмо от моей старшей дочери. Она писала, что мое письмо она получила и отдала пресвитеру общины, а тот призвал всю общину для молитвы за меня, чтобы вера моя не оскудела. Я не могу передать, сколько утешения доставили мне эти слова, и слёзы радости обливали письмо, мешая мне читать его...

СТРАДАНИЯ ЗА ВЕРУ ЛЕОНТИЯ ФИЛИППОВИЧА ОРЖАХОВСКОГО.

Из журнала «Христианин» (июль 1914 г.)

Из Тифлиса ссыльных отправили в Елизаветполь, где они пробыли в тюрьме 13 дней. Из Елизаветполя — на станцию Евлах, откуда они 105 вёрст шли этапом в Шушу — уездный город Елизаветпольской губернии, где они пробыли в тюрьме 11 дней; из Шуши их отправили пешком в село Герусы Зангезурского уезда, за 100 верст по гористой местности, где они и должны были отбывать свой срок, как ссыльные.

Станция Евлах,
на которую прибывали страдальцы за веру, чтобы потом пешком,
в кандалах, идти в далёкие Герусы.

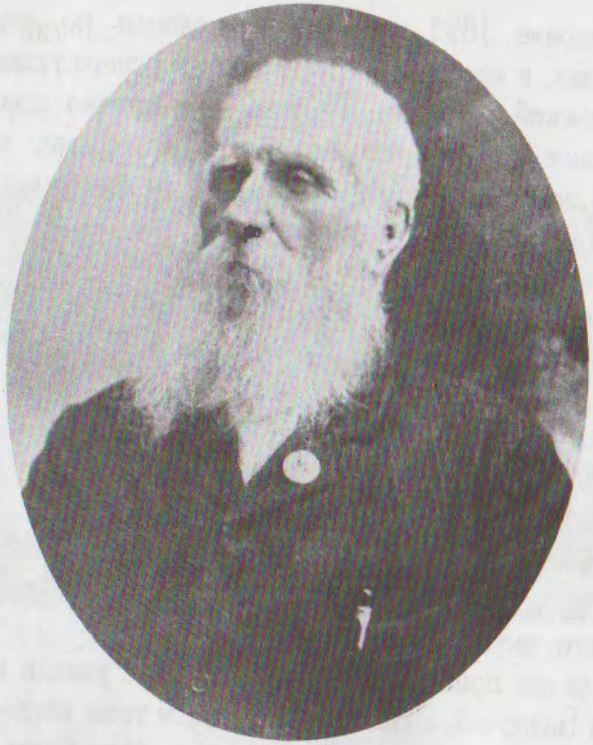
ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ГЕРОЯ ВЕРЫ ФЕДОРА ПЕТРОВИЧА КОСТРОМИНА.

В феврале 1891 года нас отправили по этапам в Закавказье, в местечко Герусы Зангезурского уезда, Елизаветпольской губернии. Герусы — местечко армянское, окруженное со всех сторон высокими горами, которые местами покрыты хвойными лесами; там протекает горная речка. Так вот, нас пригнали туда — 200 человек, разного пола и возраста.

Заработков там никаких нет; пахотные участки хоть и есть, но очень маленькие, — а жить надо… Была глубокая рана в сердцах наших — это разлука с семьями, так что горестям нашим не было предела. А дома жены с малютками лили слезы о нас. Дома у меня остались шестеро сыновей и две дочери, жена, престарелая теща. Самому старшему — 16 лет. Живите, как можете. Отца нет, он страдает, но только за что? За то, что не по их, сильных мира сего, вкусу молится Богу.

Когда мы прибыли в Герусы, про нас узнали молокане из села Базарчай, а так как их прадеды тоже когда-то были сосланы сюда, то они почувствовали сострадание к нам и собрали для нас, кто что мог, и переслали через старшину Тимофея Космыгина. Когда об этом узнал уездный начальник Сущевский-Ракуса, то вызвал Космыгина и задал ему нагоняй: «Зачем ты привез этим людям дары? Ты разве не знаешь, что их прислали сюда не кормить, а голодом морить?».

Кормиться было нечем. Но мы знали, что Искупитель наш не оставит нас, что Господь близок ко всем, призывающим Его.И вот однажды ночью пришёл к нам

Ф.П. Костромин — страдалец Герусов

Никита, брат из Волынской губернии. Его послал за нами Капустинский. Мы отправились в путь. Приходим к брату Капустинскому, и видим, что при тусклом освещении он с кем-то беседует. Это был брат Сумбат Багдасарян, который, поприветствовав нас, сказал: «Дорогие братья! Не думайте, что Господь забыл вас! Нет! Всем, взывающим к Нему, Он даёт пищу. Он через детей Своих, наших братьев, прислал вам всё необходимое». Мы, тронутые этими словами, пали на колени и стали со слезами благодарить Господа за Его великую милость.

Нас было несколько человек, подавшнх прошение губернатору Елизаветполя, и 21 августа 1891 года меня перевели в город Шушу Елизаветпольской губернии, а брата Ивана Дементьвича Лясоцкого — в Карабулы...

ИЗ КРАТКОГО ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ГЕРОЯ ВЕРЫ ЕГОРА НИКОНОРОВИЧА ИВАНОВА

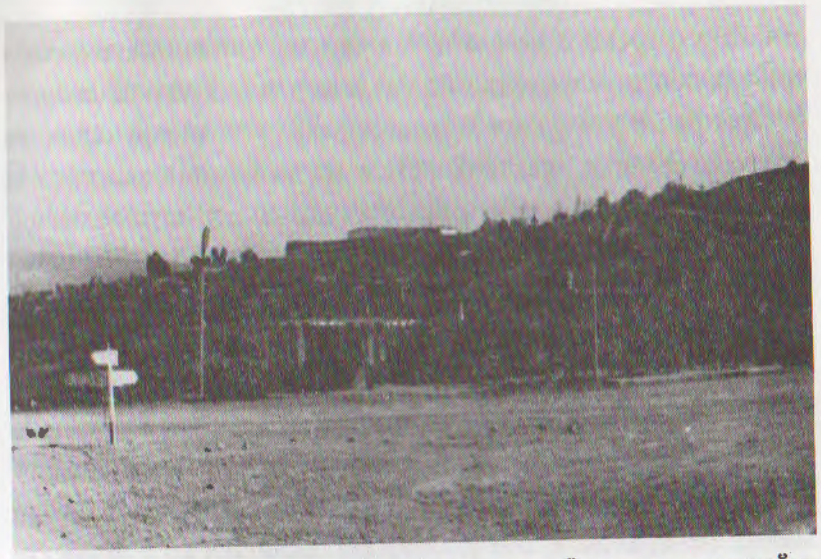
Я получил письмо из Тифлиса о том, что жена Кальвейта едет с детьми в Герусы, к своему мужу, и просит проводить их до станции Евлах и там нанять им подводу, которая довезла бы их до Герусов. Встретив их на вокзале, я поехал с ними в Евлах. Приехали туда в 11 часов вечера, стояла невыносимая жара. Спать было невозможно: замучили комары, особенно было жалко детей. Я пошел искать почтовых лошадей, но их ие было; фаэтонов и фургонов тоже не было, потому что из Баку с каждым поездом приезжали громадные толпы людей и уезжали в

горы, спасаясь от холеры. Если в обычное время фургоны до города Шуши можно было нанять за 8-12 рублей, то теперь за них брали 40-50 рублей. Мне удалось нанять фургон за 35 рублей, и ночью же мы выехали. Я должен был проводить их до Шуши, нотому что с татарами оставлять женщину с детьми было нельзя...

ИЗ ЗАПИСОК И. ЛЯСОЦКОГО, СОСЛАННОГО В ГЕРУСЫ БЕЗ ПРАВА ВОЗВРАЩЕНИЯ В РОССИЮ.

Наступило время, когда правительство перестало нас притеснять. Но пришла другая беда — начались споры между собою, разногласия, упрёки. До чего же неприятно было всё это видеть! И тут враг душ человеческих стал нашептывать мне, что такая жизнь совсем не христианская, и что я могу быть истинным христианином, если только возвращусь в православие, что и поспешил сделать в июле 1886 года. Но потом совесть так измучила меня, что я не знал, что мне делать. Я чувствовал в сердце моем адский пламень, совесть не давала мне покоя. Мне казалось, что вся природа указывала на меня пальцем, ведь я сделался изменником! Все деревья своими листьями как бы шептались между собою о моей измене. Я считал бы себя счастливым, если бы кто-нибудь из братьев, из тех, кто остался верным, обмолвился со мной хотя бы одним словечком.

Но, увы! — все сторонились меня. Словом, я стал противным самому себе. В таком положении я жил

Шуша. На горизонте видна тюрьма, в которой, перед отправкой в Герусы, находились гонимые за веру.

Вид с турбазы на старую Шушу.

некоторое время и всегда искал случая, чтобы иметь какое-нибудь общение с братьями, сделать для них что-то доброе.

Как раз в это время ко мне приехали двое верующих из другого селения, находившегося от нас в 40 верстах. В числе сорока человек они отступили от православной церкви, за что одиого из них посадили в тюрьму. И теперь эти двое решили написать о нём прошение министру. Оба они были неграмотные, и я с радостью написал прошение и расписался за них.

После этого правительство признало, что я притворно возвратился в православие, чтобы лучше вести работу среди сектаитов, и совращение этих 40 человек приписали именно мне, хотя, кроме двоих, приезжавших ко мне писать прошение, я никого не знал. И за это в 1889 году меня сослали в Херсонскую губернию, затем в Бендеры, на Горькую Балку, и уже потом в Герусы.

В этом я видел величайшую милость Божию и Его всемогущую руку, которою Он извлекал меня как бы со дна ада. Поэтому, иесмотря на все горести, бедствия н лишения, я все же радовался в Господе. А в Герусах, в 1891 году, при большом собрании братьев, сосланных туда с разных сторон, в том числе в присутствии М. Кальвейта из Тифлиса и Ф.П. Костромина и многих других, я был принят в члены церкви и нахожусь в ней по сей деиь. Молю Бога, чтобы Он не выпустил меня из Своей всемогущей десницы, и чтобы под Его покровительством я и закончил свой земной путь.

...В декабре 1896 года в Герусах находилось 30 ссыльных баптистов. И почти всем продлили срок ссылки от трех до пяти лет. И так могло продолжаться до конца жизни.

Если причина первой ссылкн объяснялась распространепием идей баптизма, то кому же мы могли говорить о своих убеждениях в Герусах, когда все жителн — армяне и татары, не знавшие русского языка?

Не видя конца своим страданьям, шесть братьев решили бежать за границу, и в условленную ночь ушли из Герусов. Трое из иих благополучно перешли границу и прибыли в Румынию, а остальные — Копыгин, Терещенко и Витнов — были задержаны в пограничной деревне на реке Прут, когда они заехали к одному цыгану, который через несколько мипут собирался помочь им очутиться на румыиской территорин. Но сельские власти нашли их и арестовали. Коныгину министр внутренних дел прибавил срок ещё на три года, и его этапным порядком отправили обратно в Елизаветполь, в распоряжение тамошнего губернатора. После длинного ряда тюрем н трёхмесячного пребывания в дороге, он вновь оказался в Герусах, где и отбыл свой вторичный срок — три года, а потом был освобождён. После побега из Герусов остальным оставшимся ссыльным, срокн которых окончились, только шести заключенным объявили освобождение с воспрещением жительства в указанных правительством губерниях. Остальные братья продолжали томиться там, ожидая окончания очередных сроков ссылки. И так могло продолжаться до конца жизни... «Здесь терпение и вера святых...» (Откр. 13:10)

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ И.С. ПРОХАНОВА. «ПОСЕЩЕНИЕ МОЕГО ОТЦА В ССЫЛКЕ».

Из Тифлиса я направился в древний армянский город Шушу и затем, верхом, в деревню Герусы, где я встретился с моим отцом и другими братьями, которых сослали туда. Чаще ехал по узким горным тропам, внизу зияли глубокие пропасти. Проезжая виноградники, я срывал сладкий сухой виноград, который в январе был особенно вкусен. Велика была радость моего отца и других ссыльных, когда я прибыл к ним, в эту заброшенную армянскую деревню. Расположенная в глубокой долине, между высоких гор, она представляла собою природную тюрьму. Никакую работу нельзя было получить в этой деревне, и ссыльные жили тем, что получали от своих семей или братьев из других мест. Эта помощь была редкой, и поэтому материальное положение большинства заключенных было очень тяжелым...

Им запрещалось проводить молитвенные собрания, отчего и духовно они очень страдали. Как мог утешал братьев Словом Божьим, номог им несколькнми посылками, переданными церквами. Власти разрешили мне оставаться с ними только пять дней. И снова и снова я вспоминал слова апостола Павла о гонимых христианах: «Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли».

Хочу обратиться к тем, кто находится не только в России, но и в других странах: молитесь за них, думайте о тех, кто в ссылках, — этим вы дадите им благословение. Когда я возвращался домой, всё думал: Герусы — это, действительно, миниатюрная картина всей России, ибо вся страна превращена в тюрьму для тех, кто любит свободу и праведность...

Иван Степанович ПРОХАНОВ

Так выглядели Герусы в 1899 году,
во время посещения их И.С. Прохановым

На Ильинском кладбище в г. Орджоникидзе (Владикавказ), у склепа, в котором покоится прах страдальца Герусов — Степана Антоновича Проханова.

Спуск в склеп.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ГЕРОЯ ВЕРЫ СТЕПАНА КОРНЕЕВИЧА НЕЗДОЛИЯ

В тюрьме

...Однажды мы прохаживались по двору и заметили, как православный священник прошел через ворота и вошел в тюремную канцелярию. Как только священник скрылся за дверью, выбежал тюремный стражник и позвал: «Игнат Бузовецкий, — требуют». Я же остался во дворе один. Я всё понял, и уже видел себя оставленным своим другом. Но я утешал себя мыслями о том, что у меня есть верный Друг — Иисус, который никогда не оставит, даже при самых тяжёлых обстоятельствах. И благодарен я, что в сердце громко звучал голос: «Будь верен до смерти».

Когда беседа со священником закончилась, Игнат вышел, и мы опять стали вместе ходить по двору. «Ты возвращаешься в православие?» — спросил я его.

Он отвернулся и ничего не ответил. «Ты скрываешь, боишься признаться? Нет ничего тайного, чтобы не раскрылось. Сознайся, Игнат.» Но он молчал. Я горько заплакал. «Я тебя люблю, как родного брата. Когда нас сковывали, я даже начальство просил, чтобы ни с кем другим, а только с тобой. Хоть и в цепях, но мы были вместе. С другом мне было легче страдать. Во всех тюрьмах я с тобой делился всем, что имел, беспокоился за тебя, угождал тебе, и вот, ты меня оставляешь, да ещё и Господу изменяешь. Ты возвращаешься в то болото, из которого вышел», — плача, говорил ему я. «Тяжело мне жить без семьи, — наконец ответил он, — Я подал губернатору прошение, чтобы меня возвратили на родину».

Никакими увещеваниями я не мог убедить его в неправильности принятого решения. Оказалось, что ещё двое из наших имеют такое же намерение. Они открыто стали противиться здравому учению и защищать тьму.

ЗАТРУДНЕНИЯ В ПУТИ

В Елизаветпольской тюрьме мы были шесть недель. Нам предложили ехать в Герусы за свой счет. «Если есть средства, поезжайте», — говорил тюремный надзиратель. Но средств не только для поездки, но и для необходимой пищи у нас не было. Алексеева и Щербинина оставили на поселение в Елизаветполе. С них сняли кандалы, а мы остались в оковах.

В один день нас всех выгнали из тюрьмы для дальнейшего этапа. Здесь был и Игнат — мой товарищ. Ходатайство о его возвращении домой ещё рассматривалось, и, пока он ждал от начальства ответа, должен был находиться с нами, т.е. тоже отправиться в путь.

До Евлаха добирались поездом. На станции Евлах есть маленькая тюрьма, где мы пробыли два дня. Начальство, видя наше примерное поведение, смилостивилось над нами, сняв с нас кандалы. Нам стало легче. Мы уверяли их не бояться нас, потому что мы не крадем, не лжем, не убиваем. Некоторые из начальников смотрели на нас с подозрением и не верили нашим словам, хотя прекрасно знали, что мы — люди честные, и страдали лишь за религиозные убеждения, не имея ничего общего с преступным миром.

Из Евлаха мы отправились в путь пешком. Собралась немалая толпа. С нами были разного рода преступники, тихие и буйные. С некоторыми из них конвойные входили в близкую дружбу и даже пьянствовали вместе. Отсюда один арестант, армянин, пытался бежать, но очень скоро его поймали. Начальство наказало солдат за небрежное наблюдение за арестантами, после чего надзор над всеми усилился. Мы едва дошли до станции Тертер. В дороге Игнат заболел. Он сильно опух. Не было никакой возможности оказать ему медицинскую помощь. Один только врач был с нами — Господь.

Я ходил к людям и покупал молоко, которое кипятил и с маслом давал ему пить. Он пил молоко, но не поправлялся. Так мы шли дальше, и добрались до Шуши. Переночевали в маленькой тюрьме. Давно не мылись, не меняли белья. Завелись вши, дополнявшие чашу наших страданий.

Этапное начальство заявило, что дальнейший путь будет трудный. Если мы берём больного с собой, то немедленно должны отправиться в Герусы, а если нет, то надо остаться в Шуше и ожидать его выздоровления. Оставаться — это значило быть всё время в тюрьме, что становилось уже не под силу. В Шуше жили братья во Христе — армяне. Они разобрали нас по квартирам и были очень добры к нам. Потом мы согласились ехать до Герусов за свой счет, взяв с собой больного Игната.

Игнат стал сознавать свою вину и каяться: «Я согрешил пред Тобою, Господи...» Он просил братьев-армян и нас всех помолиться за него. Все верующие собрались вокруг него и молились, чтобы Бог простил ему грехи и исцелил его. Голова у него была такой распухшей, что шапка не

налезала на голову. С большим трудом мы нашли для него вязаную шапку. Ночь прошла тревожно. На другой день мы нашли фургон, и, собрав наши последние копейки, которые получили от братьев, уплатили извозчику за доставку нас в Герусы.

Четыре лошади тянули наш фургон. В пути одни шли, а другие ехали. Больной, конечно, был в фургоне. Поднялась снежная буря (это было 22 января 1892 года), шли мы с трудом. Дорога была занесена мокрым снегом. Колеса вязли в грязи. Лошади измучились и остановились. Извозчик предложил оставить фургон н двух, более уставших, лошадей, а других двух — взять с собой. На одну из лошадей мы навьючили котомки, а на другую посадили нашего больного брата Игната.

ГЕРУСЫ — ДОЛИНА СЛЕЗ

Наконец, мы въехали на высокую гору. С неё, далеко впизу, была видна долнна. Это и были Герусы. Там ссыльные христиане,оторванные от родных, близких, родины, проводили жизнь, со слезами неся свой тяжелый крест. Эта долина стала могилою для многих борцов за Евангелие. Долго я рассматрнвал это место и окружающие горы. И все же, наши страдания нельзя было и сравнивать со страданиямн Спасителя. Когда я думал об этом, на душе становилось легче.

Всем сердцем я доверился моему Спасителю и просил Его о помощи в моих страданиях. Господь ответил на мою молитву: укрепил мои силы и помог перенести все дальнейшие трудности.

Когда мы прибыли на место назначения, нас встретили верующие братья — Сазонт Капустинский с семейством и другие, которые были сосланы туда раньше нас. Климат в Герусах совсем иной, чем в России и на Украине, и потому многие вскоре заболели.

СМЕРТЬ СЕСТРЫ КАПУСТИНСКОЙ

Когда мы приехали, жена Капустинского заболела тифом. Я, не имея никакой работы, поселился в семье брата Капустинского: рубил дрова, носил воду, выполнял другие домашиие дела. Вскоре заболел и брат Капустинский, а потом и все его дети. За больным нужен был уход. Братья и сёстры жили дружно. Все, по очереди, приходили и помогали больным, одни дежурили днем, другие — ночью.

Сестра Капустинская не вынесла свирепой болезни и умерла 18 февраля 1892 года. Муж её в то время был так сильно болен, что не узнавал даже членов своей семьи. Когда ему сказали, что жена его умерла, он только повторил: «умерла»,и целые сутки лежал без движения, точно мертвый. Некоторые думали, что он умирает, и советовали копать сразу две могилы. А я запротестовал, сказав: «Не надо, он ещё живой, когда умрёт, тогда похороним». Жену его похоронили с великой печалью, но говорили: «Да будет Его святая воля. Бог дал жизнь, Он же и взял её». После похорон нашей бедной сестры, мы не оставляли больных ни на минуту. Через несколько дней брат Канустинский открыл глаза и что-то тихо прошептал. Мы поблагодарили Бога, что Он возвращает отца осиротевшим детям. Друзья ушли, а я остался. У постели

больного меня сменял Никита. Если я дежурил ночью, то он — днём, и наоборот.

БОЛЕЗНЬ И ПОТЕРЯ ДРУГА

Когда Капустинский начал поправляться, — заболели мы с Никитой. Позвали к нам доктора. Он признал нашу болезнь заразной. Нас обоих поместили в отдельную комнату, запретив всем ходить к нам. Но один брат был особенно смелый. Он часто приходил украдкой, приносил что-нибудь поесть и уходил. Как-то раз мне показалось, что к нам долго никто не приходит. Потом кто-то заглянул, и я услышал, точно сквозь сон: «Уже умер».

Кто умер — я не знал. Я чувствовал, что сам еще жив, но мне казалось, что тоже умру, что скоро придёт и мой переход в вечность. «О, великая и святая будущность. Мы только странники и пришельцы на этой земле. Наше жительство — на небесах. Мы все проходим это земное поприще. Не оставь меня, Господь мой» — так взывал я к Богу из глубины души. Позже, когда я начал поправляться, то узнал, что Никиту похоронили. Его постель сожгли, так как все боялись даже прикасаться к нашим вещам.

Я понемногу поправлялся, начал ходить. Но не успел онравиться от первой болезни, как меня свалила вторая: в глотке образовался нарыв. Страдал не меньше, чем от тифозной горячки. Доктор прорезал нарыв, и через некоторое время мне стало лучше...

Трифон Осипович Хлыстун — один из первых благовестников братства, страдалец Герусов.

И. Д. Лясоцкий — страдалец Герусов.

Братья много помогали мне, особенно Яков Сибрин. Брат Капустипский тоже поправился, но от паралича остался хромым. Его с детьми перевели в Тертер, где он впоследствии и умер.

ЖИЗНЬ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Живя здесь, я, конечно же, присматривался к местности, людям, их жизни и обычаям. Местность гористая. Куда ни глянь — горы и скалы. Есть и равнины, но почти все они уже засеяны. Там, где течет горная речка Дыг — стоят водяные резервуары для орошения садов и огородов. Растут фруктовые деревья, много виноградников. Местные жители любят жарить мясо на длинных железных шампурах. Дома называют саклями. В тендире пекут лаваши. Тендир — это глиняный круглый сосуд, трех футов в диаметре. Его закапывают в землю, на глубину три фута. Возле тендиря всегда хлопочут две женщины: одна месит тесто, а другая лепит лаваши к стенке тендиря, раскаленного огнём. Получаются очень тонкие лепешки — лаваши, пекутся они очень быстро. Испеченные лаваши сушат па солнце, чтобы не портились. Хозяйки умеют делать сыр из свежего молока. Жидкость носят в кожаных мешках, которые изготавливают из овечьей и козьей кож. Обрабатывать землю очень трудно, так как почва каменистая. Землю вспахивают шестью парами волов. Весна здесь — самое шумное время года. На поле — крик, свист; — так погоняют рабочую скотину. Борон они, вероятно, никогда не видели. Наш трудолюбивый брат Ф. Бабиенко сделал бороны. Брат Т. Хлыступ ввел новую

систему развода пчел, и она понравилась армянам. У армян женщины на поле не выходят — они выполняют домашнюю работу, но «гармонуют» вместе с мужчинами. Гармон — это место, где молотят пшеницу. Гармон устроен во дворе, под открытым небом. Чистое зерно ссыпают в чувалы (мешкн) и, связав два вместе, взваливают на спину лошади и доставляют, куда нужно. Дерево возят из леса на мулах и быках. Дорог нет. Возов — тоже. Животные тянут дерево по земле, по протоптанным тропам.

Когда я выздоровел, стал искать работу. Один чиновник предложил работать у него за три рубля в месяц. Я согласился, другого выхода не было — нужда заставляла. Тут местные не всегда могли найти работу, что уж говорить о ссыльных. Нас здесь было человек тридцать шесть. Многие были с семьями, и всем приходилось туго. Но Господь нас не оставлял, посылая нам помощь через верных детей Божьих. Однажды помощь верующим пришла от брата Вебера, неожиданно приехавшего к нам в Герусы. Нас, несколько человек, собралось на квартире Якова Сибрина. Мы имели такое благословенное собрание! Брат Вебер не оставил нас и без материальной помощи. Он побыл с нами недолго и уехал. Как мы были благодарны Богу за заботу о нас, проявленную через брата Вебера!

ПОДАРОК ССЫЛЬНЫМ ОТ КУПРИЯНОВА

Наше белье износилось, продырявилось, новое же купить было не на что. Наши трудолюбивые сестры шили белье и одежду вручную, на что уходило много времени. Слава Богу за Ивана Куприянова! Он приехал к нам и привёз швейную машину для сестры Анастасии Циглеровой. Теперь каждая сестра занималась швейным делом — шила для своей семьи и для других. Куприянов помогал многим, добивался для нас права на свободные свидания с друзьями и родными.

Как-то раз посетил нас в Герусах брат Бедекер. Нас всех созвали в одно помещение, но местные власти не разрешили ему долго говорить. В своей речи Бедекер утешал нас Словом Божьим и призывал быть верными Господу до конца.

ХОДАТАЙСТВА КВАКЕРОВ

О страданиях верующих в России узнали английские квакеры. В 1892 году они, в составе нескольких человек, отправились из Лондона в Петербург, чтобы ходатайствовать перед императором Александром III об освобождении сектантов и даровании им свободы вероисповедания. Министры, узнав о цели приезда англичан, к императору их не допустили, пытаясь убедить их в том, что ссыльные страдают не за религиозные убеждения, а за непокорность властям.

Получив разрешение посетить ссыльных и взяв с собою переводчика, Германа Фаста, английские квакеры приехали в Герусы. Уездный начальник не разрешил квакерам говорить со всеми сразу. Для общения с ссыльными была выделена специальная контора, в которую разрешалось входить только по одному-два человека. Квакеры хотели узнать: кто и за что сюда сослан. И откуда исходят гонения: со стороны правительства или духовенства. Мы говорили им, что правительство работает вместе с духовенством, и что мы сосланы только за евангельскую веру. Я особенно укрепился в вере с приездом этих братьев. Я просто ликовал душой и благодарил Бога за заботу о нас через Его верных детей. Меня удивляло, что братья по вере из иных народов и стран заботятся о нас и о нашем благосостоянии. Приезжают из далёкой страны, говорят на непонятном для нас языке и сочувствуют нашему горю. Слава Спасителю, сроднившему нас. Когда братья-квакеры расставались с нами, они горько плакали о нас.

Однажды меня вызвали в уездное управление. Пока шёл туда, все думал: «Может, дадут свободу». Начальник выглядел суровым, сказал серьезно: «Степан Нездолий, министр продлил тебе ссылку еще на три года. На освобождение надежды нет». Меня охватила такая печаль, что я ничего не мог сказать в ответ. Ведь до конца моего срока уже оставалось совсем немного, я так надеялся на скорое возвращение домой, и вот опять....

С поникшей головой, разочарованный, со слезами плёлся я на место моей службы. Молюсь. Что делать?

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Посоветовавшись с одним братом, я написал жене письмо: «Дорогая Домна! Имел я надежду, что скоро кончится мой срок, и мы опять будем вместе, но вышло совсем иначе. Я потерял всякую надежду на возвращение домой. Хочу просить тебя: приезжай ко мне, раздели со мной мои тяготы. Буду хлопотать о твоем приезде ко мне. Братья позаботятся, чтобы старших сыновей — Василия, Федора и Ваню ты смогла оставить на Кубани, а ты, с младшим Тимошкой, приехала ко мне, в Герусы. Без тебя и детей я очень скучаю, постоянно молюсь за вас. Готовься к выезду. Как только получу все необходимые документы для твоего приезда, сейчас же вышлю по почте». Мне казалось, что жизнь моя так и кончится в ссылке. Размышлял, как лучше устроиться здесь. Думал также о евангельской работе среди жителей. Преграды стояли на каждом шагу. Трудности были так велики, что подавляли каждый добрый порыв. Куда ни шел ссыльный, везде он был в презрении, и что бы он не говорил, ему мало кто верил. Искренних друзей, с кем бы можно было поделиться наболевшим, не было. Один Господь был моим самым близким и верным Другом. Ему я и высказывал своё горе, и Он поддерживал меня во всём, за что слава Ему вечная.

Ходатайство о разрешении на приезд жены чуть не сорвалось. Начальство просто не обратило внимание на мою просьбу. Жена, получив моё письмо, дала ответ с согласием приехать ко мне. Прошло целых шесть месяцев, пока получили разрешение. По дороге ко мне жена заехала к брату Гуреновичу и там оставила троих сыновей, а с

младшим отправилась ко мне, в Герусы. Путь был длинный и утомительный. Тимка плакал почти всю дорогу, так как тяжело переживал разлуку с братьями, оставшимися на Кубани.

Приехав во Владикавказ, моя жена попала в дом верующих. И сестра Морозова оказала ей большую услугу, приняв к себе, окружив вниманием. Из Владикавказа до Тифлиса ехали по шоссейной дороге дилижансом. В Тифлисе жена встретила верующих и даже побывала на собрании. Из Тифлиса благополучно добралась до Евлаха. От Евлаха до Елизаветполя добиралась поездом, а дальше пришлось 220 верст ехать на лошадях до Герусов.

ВСТРЕЧА С ЖЕНОЙ И СЫНОМ

Невозможно описать пером ту радость, которую я испытал при встрече с моей милой и верной женой и сыном. Она была, воистину, моим другом. Как ни казалась трудиа жизнь, но при встрече с женой стало так легко и радостио, точно оказался на свободе. Было за что благодарить Бога, что я и делал от всего сердца.

НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Теперь у меня появились новые задачи, забот поприбавилось. Надо было думать о том, как кормить семью, где иаходить средства на её содержание. Но уповающему на Бога всё содействует ко благу. Жена, будучи

трудолюбивой, стала работать в богатых домах: готовила, убирала, стирала. Позже она заняла место повара в семье судебного следователя, получала 15 рублей в месяц. Я же поступил на работу в почтовое отделение, где и оставался до конца моей ссылки. Своим истинным христианским поведением и трудолюбием я снискал уважение и доверие начальства.

ПЕЧАЛЬ

Во время пребывания в Герусах, собрания наши мы устраивали в домах братьев. Но и в своих саклях мы не чувствовали себя в безопасности: правительство запрещало и разгоняло собрания верующих. Однажды, власти узнали, что собрания проходят в домах братьев И. Лясоцкого и С. Капустинского, и тотчас расправилось с ними, выслав их из Герусов: Одного — в Джебраил, а другого — в Тертер. После этого остальных верующих стали ещё больше преследовать, не допуская никаких собраний. Молились — кто где мог, временами тайно собирались во имя Господа для духовного подкрепления и святого общения.

8 сентября 1899 года я получил свободу и возможность уехать из Герусов. Мне заявили, что я могу поселиться в России где угодно, за исключением Москвы и Петербурга...

ИЗ ЖИЗНИ САЗОНТА ЕВТИХИЕВИЧА КАПУСТИНСКОГО

В рукописи, найденной в Тбилиси (бывший Тифлис), братья пишут, что, когда голодная смерть смотрела в глаза ссыльным, «рука Всевышнего неоднократно заботилась о них». В Англии верующие узнали о том, что в России баптисты подвергаются жестоким гонениям. И, чтобы наглядным образом продемонстрировать весь ужас положения верующих в России, английские квакеры заковывали себя в кандалы и говорили: «Вот так в России преследуют наших братьев за проповедь Евангелия». Это до глубины души трогало английских братьев, и они, сострадая, щедро жертвовали в пользу страдальцев. Собранные пожертвования вручены брату-старцу, известному доктору Бедекеру, чтобы он отвёз их и вручил ссыльным. И вот, в такой критический момент, когда братья и сёстры были в глубокой скорби, и в сердца их готово было вкрасться отчаяние, вдруг до них дошел слух о том, что из Англии приехал посетить их брат по вере. Как обрадовались они, когда узнали, что не забыты, как оживились, как усилили молитвы к Богу!

Не без трудностей удалось брату Бедекеру добраться до Герусов. Когда он прибыл в Петербург и явился к государю просить разрешения посетить страдающих за веру, то царь удивился, пожал плечами и сказал: «У нас полная религиозная свобода, мы не преследуем за убеждения». Брат ответил так: «Если это так, то вы разрешите мне лично убедиться в этом, навестив их». Государь подписал пропуск, и брат благополучно прибыл в Герусы. Местная администрация неохотно согласилась устроить эту встречу с братьями.

С.Е. Капустинский — страдалец Герусов.

Иван Сазонтович Смольников — сын С.Е.Капустинского. После смерти матери он был усыновлён семьёй Смольниковых, также страдающей в Герусах. В 1972 году он, в восьмидесятилетнем возрасте, славил Господа в Тбилисской церкви.

В комнату впускали по одному или два человека, не больше. Брат Бедекер русским языком не владел, но с ним был переводчик, тоже брат, и вот он, каждому в отдельности, давал наставления и утешал, говоря: «Не думайте, что Господь вас забыл. Он говорит в Своём Слове, что и волос не упадёт с вашей головы без воли Отца нашего Небесного». Братья при этих словах плакали, в душе упрекая себя за уныние, которое временами овладевало ими.

После свидания брат оставил им 1000 рублей. И с этого времени, каждый месяц, братья получали средства на пропитание, пока не смогли самостоятельно устроиться. Кто занялся огородничеством, кто — пчеловодством.

Капустинский со своей семьёй жил за селеннем, в старой заброшенной татарской хижине. Ветхая плоская крыша плохо защищала от дождя, и в комнате всегда было сыро, особенно после дождя. Семья Капустинского состояла из 6 человек: он, жена, три сына и дочь. Недолго все в семье были здоровы. Сначала заболел тифом сам Сазонт Евтихиевич. В это время у них родился сын Ваня. Сама Капустинская стирала бельё для русской администрации, чем и зарабатывала на жизнь. Как-то после родов она полоскала бельё в реке, после чего сильно простудилась и слегла. Старшие тоже захворали. Только двое малышей были здоровы. В скором времени Капустинская умерла.

Когда тяжело больной Сазонт Евтихиевич увидел свою жену мертвой, лежащей на столе, его парализовало. Жить стало тяжелее. Самого маленького, Ваню, которому было всего полгода, отдали сестре Лясоцкой, у которой была грудная дочь, и она два года кормила его грудью. Потом Ваню взяли на воспитание ссыльные Смольниковы,

приехавшие из Ставрополя. Эта семья полюбила Ваню и впоследствии усыновила его. Здоровье Капустинского постепенно поправлялось, дети тоже выздоровели. Не успел он оправиться от одной печали, как его ждало новое испытание веры: пришло распоряжение о том, чтобы перевести Капустинского в другое татарское селение.

В тбилисской рукописи не говорится о причине перевода Капустинского в другое, худшее место, но в материалах В.Д. Бонч-Бруевича мы находим этому объяснение. Описывается, как пристав вызвал верующих и спросил их, собираются ли они на молитву. Они ответили утвердительно. Тогда он спросил, у кого они будут собираться в очередной раз. Ответили, что в квартире Капустинского. Пристав донёс об этом властям, и очень скоро перевели из Герусов на почтовую станцию Тертер, где было ещё хуже.

В тбилисской рукописи так описывается его переезд: «Он нанял подводу, сложил вещи, посадил детей и отправился в путь. Не успели они выехать за селение, как вдруг подъехали двое и привязали одну руку брата Капустинского к одному седлу, а другую — к другому так, что ему пришлось бежать между двумя верховыми. Подвода с плачущими детьми и вещами осталась позади. Случайно, одна сестра увидела плачущих детей и спросила, в чём дело. Узнав, она сейчас же обратилась к начальнику и упросила, чтобы он дал распоряжение догнать всадников, а Капустинскому разрешил сесть на подводу. Когда сестра на подводе догнала всадников, они отдыхали на пригорке у дороги.

Капустинский сидел мокрый и тяжело дышал. Ему разрешили переодеться и сесть на подводу, к детям, так они и доехали до нового места жительства. Там его ждали

ещё более тяжкие испытания. Работы в Тертере не было никакой. Голодные дети просили есть, а обратиться за помощью было не к кому. Друзья остались в Герусах. Кругом — незнакомые татары и армяне. Положение было ужасное, это было время великого испытания его веры. Капустинский опускался на колени и обращался к Тому, для Которого нет ничего невозможного, молил спасти его детей от голодной смерти».

Как видим, верующих сознательно обрекали на вымирание, всячески препятствуя поступлению к ним материальной помощи. Но Господь всесилен!

В.Д. Бонч-Бруевич так описывает сложный процесс осуществления сбора и доставки материальной помощи страдальцам в Герусах: «Стали собирать деньги для ссыльных, и разными путями, тайно, точно совершая преступление, посылать их в разные места. Конечно, местные власти принимали всяческие меры, чтобы изловить эти «преступные» деньги, спасавшие многих от неминуемой гибели. Но при том сочувствии, которым всегда пользовались наши братья-сектанты в интеллигентной среде общества, это сделать было нелегко, и помощь, часто весьма своевременная, невидимыми путями достигала своей цели».

Как Господь спас Сазонта Евтихиевича и его детей от голодной смерти, мы узнаём из тифлисской рукописи:

«Братья в Петербурге узнали, что в далёких селениях есть много ссыльных, до которых материальная помощь не доходит, и они обречены на голодную смерть. Тогда русские братья и сёстры приняли горячее участие в пожертвованиях для этих бедных, собрав около 2000 рублей. Деньги вручили брату Долгополову, который отправился с

ними в Закавказье. Доехал он до последней железнодорожной станции, нанял подводу и поехал дальше. Извилистая дорога пролегала среди утёсов и скал. Путь был опасен ещё и тем, что там разгуливала шайка разбойников, которая беспощадно грабила и убивала проезжих. Наслушавшись от своего возницы про страшные грабежи и убийства, брат Долгополов смутился духом и про себя молился: «Господи, сохрани и защити». Вдруг послышался шум и топот конницы. Тревога, мрачное предчувствие чего-то недоброго сразу охватили брата. Тревога была не напрасной. Из-за поворота внезапно выскочили несколько человек с ружьями. На поясах висели длинные кинжалы и шашки, украшенные серебром. Это были кавказские разбойники. «Стой!» — крикнули они и окружили тарантас.

Брату приказали следовать за ними, а владельцу тарантаса — убираться подобру-поздорову, что-то буркнув по-татарски. Брата повели в горы. Он был уверен, что идёт навстречу своей смерти. Шли по извилистым тропам, которые местами проходили по краю глубоких пропастей. Всю дорогу брат обращался к небесам, моля: «Господи, ведь ты всесилен, и без Твоей воли ничего не совершается, да будет на всё Твоя воля, в Твои руки отдаюсь».

Наконец, они дошли до какой-то мрачной пещеры, освещенной факелами. Свет падал на роскошные ковры, развешанные по стенам, на огнестрельное оружие, сверкающее золотой и серебряной оправами. Брат чувствовал, что наступает ужасный момент. Предводитель шайки, азиат, в полном вооружении, бряцая дорогим оружием, сел на красивый, обитый разными украшениями, сундук. Брат стоял в отдалении. В висках стучало, кровь застывала в

жилах, мысли неслись быстрее молнии. Вспоминалось письмо от ссыльных, в котором описывалась нужда и ожидаемая гибель от голодной смерти. Вспоминалось, как эти, политые слезами строки, читались на молитвенном собрании, как после чтения письма брат напомнил стих, где говорится: «Так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Мат. 25:45). Вспомнил, как верующие от всего сердца собирали эти деньги...

И вот теперь, когда он был почти у цели, его поймали разбойники, и теперь он беспомощно стоит перед их атаманом. «О, Боже мой! Почему всё так получилось? Не моя воля, а Твоя да будет!» — молился брат Долгополов. Лицо предводителя дышало злобой.

— Урус, — сухо проговорил он, — деньги есть?

— Да, две тысячи.

— Зачем так мало наторговал?!

— Я не торговал, — ответил брат, — эти деньги собрали верующие в России для наших страдающих братьев, которые находятся здесь, в Закавказье.

— А кто твой брат здесь? Как его фамилия?

— Капустинский.

— а... Канустинский... Я его знаю, это очень хороший человек. Знаешь что, урус... мы твои деньги не возьмём, нам такие деньги не нужны! Мы берём у торговцев, купцов, а эти деньги брать нельзя. Только знаешь что, урус. Сам ты деньги эти не довезёшь, потому что там на дорогах стоят казаки, — отнимут, как только приедешь. Если хочешь, отдай деньги нам, и мы передадим их твоему брату.

Долгополов подумал и согласился, так как другого выхода у него не было. Когда отдавал деньги разбойнику, просил:

— Только, пожалуйста, выполните обещанное, ведь брат с детьми умирают с голоду.

— Сделаем, — сказал разбойник, — а ты пока оставайся, живи у нас.

...Капустинский переживал трудное время. Дети просили есть, а дать им было нечего. И вот он, вечером, вместе с детьми встал на колени и, в слезах, громко взывал к Богу, прося Его о помощи. Потом они молча сидели, погрузившись в грустные мысли. Голод мучил не только детей, но и его самого.

В это время кто-то постучал в дверь. Капустинский вздрогнул: кто бы это мог быть в столь позднее время? За дверью послышался властный голос азиата: «Открывай!». Брат открыл дверь, и в комнату вошли несколько вооруженных человек в больших панахах. Детн в испуге забились в разные углы. Один из бандитов спросил:

— Ну, Капустинский, как живешь? Деньги есть? Хлеб?

— К сожалению, ничего у меня нет, — ответил брат.

Один из бандитов сел поближе и начал расспрашивать его, чем он питается, как живёт без денег. Снросил и о том, есть ли в другнх селениях такие, как он. Капустинский ответил, что и там есть ссыльные братья, и все живут в большой нужде. Тут разбойник вынул большой сверток и письмо и протянул Капустинскому.

— Держи, это Аллах послал тебе и твоим братьям. Это тебе братья твои передают из Петербурга. Бери бумагу, пиши им ответ.

Капустинский был потрясен услышанным. Его удивление и радость невозможно описать! Он не знал, что делать: читать письмо, писать ответ или благодарить

разбойников. Дети, увидев, что дело приняло мирный оборот, повылезали из своих углов и стали спокойно играть, не обращая внимания на незнакомых людей.

Бандиты, видя, что Капустинский от волнения не может придти в себя, сказали ему, чтобы он ложился снать, и что за письмом они зайдут на следующий день. Как только неожиданные гости ушли, Капустинский прочитал письмо, обнял детей и всё им объяснил.

— Вот детки, — говорил он. — Мы с вами молились, чтобы Господь помог нам, и вот Он послал нам денег. Так и написано в Слове Божьем: «Не оставлю тебя и не покину...». Теперь мы можем купить себе хлеба и молока. Дети запрыгали от радости, а затем они вместе встали на колени и со слезами радости возблагодарили Бога за избавление от голодной смерти.

...Тем временем брат Долгополов сидел в мрачной пещере, ожидая возвращения разбойников. Прошло несколько дней, пока они привезли ему письмо от Капустинского. Брат Долгополов, поблагодарив разбойников, поспешил в обратный нуть, в Россию. Прощались, как близкие друзья.

Благонолучно прибыв в Петербург, Долгополов рассказал братьям обо всём, что ему пришлось пережить. Выслушав его и прочитав нисьмо Капустинского, вся община, в слезах, на коленях славила и благодарила Бога, Который дивно ведёт и защищает народ Свой.